

КРУГ

ИЗМЕН

ОТЧЕТ ЦРУ О КРУПНЕЙШЕМ
СОВЕТСКОМ ШПИОНЕ

ОЛДРИЧЕ ЭЙМСЕ

И ТЕХ, КОГО ОН ПРЕДАЛ

САНДРА ГРАЙМС и ЖАННА ВЕРТЕФЕЙ

ОФИЦЕРЫ КОНТРАЗВЕДКИ ЦРУ, ЛИДЕРЫ СЛЕДСТВЕННОЙ ГРУППЫ ПО РАЗОБЛАЧЕНИЮ
«КРОТА» СРЕДИ КАДРОВЫХ РАБОТНИКОВ СПЕЦСЛУЖБЫ

Разведка (Гермес Букс)

Сандра Граймс

**Круг измен. Отчет ЦРУ
о крупнейшем советском
шпионе Олдриче Эймсе
и тех, кого он предал**

ООО «ГЕРМЕС БУКС»

2012

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)

Граймс С.

Круг измен. Отчет ЦРУ о крупнейшем советском шпионе Олдриче Эймсе и тех, кого он предал / С. Граймс — ООО «ГЕРМЕС БУКС», 2012 — (Разведка (Гермес Букс))

ISBN 978-5-9524-6727-9

В разгар холодной войны у контрразведки ЦРУ появились подозрения, что кто-то из сотрудников высокого ранга передает Советскому Союзу информацию, которая в конечном счете способствовала рассекречиванию по меньшей мере десяти советских разведчиков, шпионивших в пользу Соединенных Штатов. В этой книге два офицера ЦРУ, непосредственно ответственные за поиски изменника, описывают детали охоты на «крота» в своем ведомстве. Считая это личной миссией, Сандра Граймс и Жанна Вертефей посвятили себя выявлению предателя, ответственного за казнь или заключение в тюрьму советских агентов, с которыми они непосредственно сотрудничали. Упорная аналитическая работа привела их к давнему знакомому по службе в отделе СССР и стран Восточной Европы и Центре контрразведки, Олдричу Эймсу — как оказалось, самому разрушительному предателю в истории американских спецслужб. Это не только первая книга, написанная главными фигурантами операции ЦРУ, но и первая, в которой подробно рассказано об оперативных контактах с агентами, которых предал Эймс, в частности о генерале Дмитрие Федоровиче Полякове, занимавшем высокую должность в ГРУ Министерства обороны СССР. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-9524-6727-9

© Граймс С., 2012

© ООО «ГЕРМЕС БУКС», 2012

Содержание

Предисловие	7
Глава 1	10
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Сандра Граймс, Жанна Вертефей
Круг измен
Отчет ЦРУ о крупнейшем
советском шпионе Олдриче
Эймсе и тех, кого он предал

Генералу Полякову и остальным, казненным или заключенным в тюрьму... И их семьям

Copyright © 2012 by Sandra Grimes and Jeanne Vertefeuille

© Перевод, ООО «Гермес Букс», 2026

© Художественное оформление, ООО «Гермес Букс», 2026

Предисловие

Шпионажу времен холодной войны в целом или его отдельным аспектам, делам или периодам посвящено множество книг. Подавляющее большинство этих книг страдает одним и тем же недостатком – они написаны непосвященными, не имеющими полного представления об участвующих в этой борьбе основных организациях, методах работы и людях. Другие книги, независимо от того, написаны они непосвященными или посвященными, также страдают от того, что их авторы преследовали корыстные цели, или были одержимы излюбленной теорией, или просто больше заинтересованы созданием коммерчески успешного продукта, нежели поиском истины и точностью.

В этой книге предпринята попытка избежать этих подводных камней. Она написана людьми, находящимися внутри системы. Авторы могут авторитетно и подробно рассказать об операциях ЦРУ против советских – и в меньшей степени восточноевропейских – целей. Мы служили в Управлении начиная с самых низов, но постепенно занимали все более ответственные посты. Кроме того, мы были в центре того, что впоследствии стало «охотой на крота» Эймса. Книга в основном охватывает период с 1961 по 1994 год, годы нашего наиболее активного личного участия.

Читатель может задаться вопросом, почему мы решили опубликовать материалы, ранее считавшиеся секретными. Хотим подчеркнуть, что мы не «источники утечки секретной информации». Все наши контакты со средствами массовой информации связаны с задуманным Управлением проектом, призванным рассказать собственную версию истории Эймса. После ареста Эймса в феврале 1994 года ФБР, как принято в этой организации, развернуло кампанию, направленную на то, чтобы общественность узнала об успехе бюро. По мнению Управления, решающий вклад в эту операцию ЦРУ остался незамеченным. Поэтому было решено, что пятерым из нас – Сэнди, Жанне, Полу Редмонду, Дэну Пейну и Диане Уортен – будет поручено участвовать в информировании средств массовой информации на тему операций ЦРУ против советского агента, причиненного Эймсом ущерба и наших следственных действий, которые привели к его идентификации как советского «крота». Все наши первые контакты проходили на территории Управления и контролировались сотрудником Управления. Некоторые из них записывались на пленку. Первоначально этот проект вызывал у нас сильное беспокойство, потому что мы принадлежим к старой школе и нам внушали, что необходимо любой ценой избегать общения со средствами массовой информации. Позже мы привыкли к идее сотрудничества, но все наши контакты со средствами массовой информации были заранее согласованы.

Читатель также может задать вопрос, почему некоторые операции КГБ и ГРУ мы осветили подробно, а другие удостоили лишь краткого описания. На протяжении всего повествования мы старались придерживаться одного критерия: стала ли приводимая нами информация известна КГБ и его преемникам в результате предательства Эймса, Ханссена, Говарда и прочих? Если да, то мы не видели причин скрывать ее от широкого круга читателей. Вместе с тем, когда речь идет об информации, которая, по нашему мнению, противнику неизвестна или может представлять опасность для отдельных лиц, мы ее в нашей книге не раскрываем, даже притом, что она могла бы послужить небесполезным фоном нашего рассказа.

Учитывая это ограничение, мы, как правило, выбирали дела наиболее значимые с точки зрения разведывательной и контрразведывательной деятельности, те, в расследовании которых принимали самое непосредственное участие, те, что по своей сути были наиболее интересными, и те, за которые замешанный в них советский участник заплатил жизнью. Мы сожалеем, что, за исключением Толкачева, не смогли подробнее осветить подавляющее большинство тех дел, в которых не участвовали сотрудники разведки. Хотя некоторые из них имели большое значение в общих усилиях Управления в период холодной войны, мы в мире контрразведки

часто на них не сосредотачивались. Также мы опустили восточноевропейские дела, хотя одни из них имели огромное значение, а рассказы о других могли бы стать захватывающим чтением, опять же потому, что мы не уделяли им постоянного внимания.

Наше обсуждение американских разведчиков, добровольно пошедших на сотрудничество с КГБ, ограничивается Эймсом, Хансеном и – в меньшей степени – Говардом. Мы не рассматривали Ричарда Миллера и Эрла Питтса из ФБР, а также Гарольда (Джима) Николсона из ЦРУ, несмотря на отбывание всеми ими тюремных сроков за шпионскую деятельность. Хотя они, безусловно, причинили ущерб, однако по сравнению с Эймсом и Хансеном – второстепенные игроки.

Авторы не претендуют на нейтралитет. У нас есть свое мнение, и там, где это уместно, мы его выразили. Однако мы старались скрупулезно отделять факты от мнений и прилагали все усилия, чтобы сосредоточиться на первых. Кроме того, при написании книги мы старались избегать чрезмерной озабоченности разоблачением или мстостью тем, чьи убеждения и действия, на наш взгляд, сбили ЦРУ с пути истинного в его операциях в СССР, иногда с трагическими последствиями. Там, где это уместно, данный материал появляется, но по большей части ему не уделено чрезмерного внимания. Наша цель – дать сбалансированное, подробное описание наших операций с максимально возможной точностью. Мы считаем, что у нас есть история, которую стоит рассказать.

Вполне ожидаемо, что два автора не во всем согласны друг с другом. Существенные разногласия нашли упоминание в тексте.

Первоначально уместно привести несколько определений. Термины «контрразведка» и «контршпионаж» за последние десятилетия многократно переопределялись и пересматривались до неузнаваемости. Тем не менее иногда они употребляются как взаимозаменяемые. В этой книге употребляется термин «контрразведка» или КР. В нашем контексте контрразведка включает в себя все усилия, как оборонительные, так и наступательные, предпринимаемые для противодействия попыткам иностранных правительств и их разведывательных служб проникнуть в наше правительство или нейтрализовать тайную деятельность нашего правительства.

Примером наступательного аспекта контрразведки служит вербовка иностранных разведчиков ЦРУ и ФБР, благодаря чему последние получают доступ к операциям их служб. Оборонительный аспект включает в себя такие рутинные процедуры, как получение допуска к секретной информации и разделение информации по принципу «минимально необходимой осведомленности», но в наибольшей степени он сосредоточен на организованных попытках выявить «кротов» в наших рядах.

Еще два необходимых определения: в этой книге подробно рассматривается наша деятельность в отношении двух советских разведывательных служб. Эти службы – КГБ и ГРУ. После большевистской революции 1917 года КГБ носил множество названий: ЧК, ОГПУ, НКВД и так далее. Его функция заключалась в обеспечении безопасности Советского государства, и он толковал свой мандат в самом широком смысле. В 1954 году он получил название КГБ, аббревиатура русского словосочетания Комитет государственной безопасности, и это название он сохранял на протяжении большей части периода, охватываемого этой книгой. В 1991 году КГБ был разделен на несколько самостоятельных организаций. Подразделение КГБ, занимавшееся операциями за рубежом, стало называться СВР (аббревиатура русского словосочетания Служба внешней разведки), в то время как основное подразделение внутренней контрразведки стало называться ФСБ, или Федеральной службой безопасности. Однако для простоты мы употребляем аббревиатуру КГБ на протяжении всего текста.

Название ГРУ происходит от русского словосочетания Главное разведывательное управление Генерального штаба Министерства обороны. С момента окончания Второй мировой войны форма и функции управления практически не изменились, и его миссия по-прежнему заключается в сборе стратегической разведывательной информации. ГРУ не выполняет контр-

разведывательных функций и не нацелено на иностранные разведслужбы, но за эти годы провело ряд весьма успешных операций против правительства США, получив ценную информацию, преимущественно в военной и научно-технической областях.

Комиссия ЦРУ по анализу изданий отвечает за проверку любых текстов, написанных бывшими сотрудниками ЦРУ. Она требует следующей оговорки о случайном характере совпадений: все изложенные факты, мнения или аналитические выкладки принадлежат авторам и не отражают официальную позицию или взгляды ЦРУ или любого другого правительственного учреждения США. Ничто в содержании не должно быть истолковано как утверждение или намек на то, что правительство США подтверждает достоверность информации или поддерживает взгляды автора. Данный материал был проверен ЦРУ на предмет предотвращения разглашения секретной информации.

В целом наш опыт работы с Комиссией ЦРУ по анализу изданий был разочаровывающим. Хотя более 90 процентов спорных вопросов в конечном итоге решились в нашу пользу и приведенная ниже книга в основном соответствует изначальному замыслу, нам потребовалось свыше трех долгих лет, чтобы прийти к соглашению. Требования некоторых купюр были обоснованными, и мы удовлетворили их без возражений, однако другие, на наш взгляд, явились следствием недостатков самого процесса.

Наконец, мы не смогли бы написать эту книгу без помощи наших бывших коллег. Мы консультировались с Диком С., Мирной Фицджеральд, Бобом Фултоном, Бертоном Гербером, Уолтом Ломаком, Леном и Фейт Маккой, Дэном Пейном, Джеком Платтом, Андреем и Светланой Полещук, Полом Редмондом, Диком Столзом, Дианой Уортен и некоторыми другими, кто предпочел остаться анонимным. Среди них и те, кто любезно предоставил доступ к своим личным архивам. Всем им мы выражаем благодарность. Особую благодарность мы выражаем Гэри Граймсу, просмотревшему наши многочисленные черновики и давшему взвешенные комментарии.

Глава 1

История Жанны

Октябрь 1954 года. Корейская война закончилась, а во Вьетнам мы еще не втянулись. Весной я окончила Университет Коннектикута. В кампусе на ярмарке вакансий в последний год моего обучения был и представитель ЦРУ. О работе Управления он рассказал очень расплывчато, но упомянул возможность поездок. Как раз то, что мне хотелось услышать. Как типичная представительница 1950-х годов, о равных правах женщин я почти не задумывалась и не строила каких-то грандиозных планов на успешную профессиональную карьеру. Моей главной целью было работать и жить за границей, желательно в Европе.

Представитель сказал мне, что женские вакансии у него только на офисную работу, и настоятельно порекомендовал осваивать секретарские навыки. Поэтому после окончания университета я поступила в бизнес-школу, научилась печатать и стенографировать, ожидая звонка из ЦРУ с сообщением о приеме на работу.

Наконец этот звонок раздался, и я поехала на поезде в Вашингтон. Моим первым назначением была служба в несекретном машинописном бюро, где группа недавно принятых на работу молодых женщин печатала на карточках размером 3 на 5 дюймов список имен фигурировавших в профессиональных журналах северокорейских ученых. Скорее всего, мы допускали в именах много ошибок, но это, похоже, не имело значения. Мы просто ждали, когда нас вызовут на проверку на детекторе лжи, а в случае ее прохождения дадут настоящее задание. После философского спора о том, был ли Чан Кайши благом для Китая и можно ли охарактеризовать коммунистов как аграрных реформаторов, я проверку прошла. Должно быть, мои ответы оказались достаточно ортодоксальными; в любом случае в университете я изучала историю Дальнего Востока и знала об этом предмете больше моего экзаменатора.

В процессе приема на работу меня спросили, интересно ли мне было бы служить за границей и если да, то где. Первым моим ответом была «Европа», однако сотруднику отдела кадров удалось уговорить меня добавить, что я не исключаю командировку в какую-либо другую часть мира. Вскоре после этого я получила назначение в отдел Ближнего Востока и Африки.

После непродолжительной работы там сотрудник отдела кадров предложил мне должность помощницы по административным вопросам в отдаленном поселении во Французской Западной Африке. Я не знала, где оно находится, и сотрудник отдела кадров тоже, но мы нашли его на карте. И, поразмыслив над предложением день или два, я согласилась.

В те времена образование и языковые навыки женщины ничего не значили. В колледже я изучала немецкий язык как дополнительную специальность, имея за плечами шесть лет обучения. Также я два года учила французский, однако владела им не слишком уверенно. Тем не менее единственным критерием было умение печатать, с чем я, безусловно, справлялась.

К счастью, в процессе назначения возникла загвоздка, поэтому, прежде чем отправиться за границу, я почти год провела в Вашингтоне. Денег у меня и моих друзей было мало, но погулять и повеселиться мы успели. В те дни ЦРУ располагалось во временных казармах периода Второй мировой войны в центре города рядом с Зеркальным прудом между Конститушн и Индепенденс-авеню, так что мы находились в самой гуще событий. На работу я ездила автобусом, и в те благодатные дни, ожидая на остановке на Конститушн автобуса домой, я иногда видела президента Эйзенхауэра, упражняющегося в игре в гольф на поле за Белым домом. Одно из моих самых приятных воспоминаний – то, как я зимой брала с собой на работу коньки и каталась по Зеркальному пруду в обеденный перерыв.

Затем последовали два приятных года в Западной Африке. У меня был отличный начальник резидентуры Джон Эдвардс. Джентльмен старой закалки, получивший образование в Гар-

варде, ветеран Первой и Второй мировых войн, прошедший межвоенные годы во Франции или франкоязычных странах Африки и прекрасно говоривший по-французски. Под его руководством мой французский стал достаточно беглым. Эдвардс был снисходительным начальником и позволял мне много путешествовать по Западной Африке. Моей самой продолжительной и полной приключений поездкой было путешествие на поезде в Бамако, Мали, а затем на лодке вдоль северного изгиба реки Нигер с остановками в таких экзотических местах, как Мопти, Дженне и Тимбукту.

Поездка в Западную Африку также помогла мне по-другому взглянуть на жизнь. Из-за того что белая, я в первый раз оказалась в меньшинстве. Это меня поразило, когда я впервые сошла с трапа самолета, и потребовалось некоторое время, прежде чем я смирилась с этой мыслью.

Однако, освоившись, я настолько полюбила Африку, что попросила о второй командировке туда. На этот раз пунктом моего назначения стала Восточная Африка.

Работа в Восточной Африке имела свои приятные стороны. На высоте более семи тысяч футов климат был превосходным и цветы цвели круглый год. Кроме того, мы находились выше зоны распространения малярийных комаров, ядовитых змей и других подобных тропических опасностей для здоровья. Иногда мы устраивали себе выходные, спускаясь по краю Великой Рифтовой долины к Красному морю, чтобы поплавать и понырять с маской и трубкой. Это была опасная двухчасовая поездка по узкой дороге с более чем сотней крутых поворотов, но виды были великолепны. Часто по пути мы встречали бабуинов и дик-дигов (крошечных газелей), а как только мы достигали моря, обычным явлением были гигантские манты.

Единственным минусом этой командировки было то, что я не ладила со своим начальником, а было нас всего двое. В любом случае, несмотря на приключения после работы и по выходным, служба в Африке начинала мне надоедать. Когда моя командировка подходила к концу, мне предложили работу в еще одной африканской резидентуре. Те же канцелярские и административные обязанности, что я выполняла годами, только на этот раз от меня также ожидалось, что я буду переводчиком резидента, потому что назначенный сотрудник не говорил по-французски!

К тому времени у меня уже сформировались некоторые элементарные карьерные цели, и эта работа не казалась мне достаточно интересной. Более того, политика африканского отдела (в те дни об этом говорили открыто) заключалась в том, чтобы не продвигать женщин выше 7-го уровня общего штатного расписания. Этого уровня я достигла уже давно. В поисках продвижения по службе я искала и нашла работу за пределами Африки – в Хельсинки, Финляндия. Та не только давала мне возможность увидеть другую часть мира, но и должность была 9-го уровня общего штатного расписания, одна из немногих доступных в ту пору женщинам, хотя ситуация начала меняться.

В оперативном плане Финляндия была гораздо активнее тех африканских резидентур, где я служила. Поскольку страна граничила с СССР, в Хельсинки все усилия ЦРУ сосредоточило на советской цели – цели, в отношении которой я начала приобретать определенные знания. В мои обычные обязанности входило поддержание в актуальном состоянии блокнота REDCAP (кодовое название разработанной ЦРУ в начале 1950-х годов международной программы «стимуляции побега» из СССР. – *Пер.*) – исчерпывающего списка всех советских чиновников в стране. Я познакомилась с русскими именами, организациями, путями карьерного роста, признаками принадлежности к разведке и подобными деталями. Более того, я лично поучаствовала в противоречивом и захватывающем деле, характерном для эпохи Энглтона. (Джеймс Джизес Энглтон, о котором будет много сказано ниже, был начальником контрразведывательного отдела ЦРУ с 1954 по 1974 год.) В декабре 1961 года офицер контрразведки КГБ Анатолий Михайлович Голицын с женой и маленькой дочерью появился на пороге резид-

дента ЦРУ Фрэнка Фриберга и объявил о своем твердом намерении дезертировать. Фриберг, умный и решительный офицер, немедленно связался со Стивом У. и со мной.

Фриберг дал нам приказ выдвигаться. Стив должен был отнести паспорта семьи Голицыных в посольство и оформить им американские визы. К счастью, Стиву удалось это проделать, не вызвав никаких вопросов. Мне же было приказано пойти в контору и взять наличные для поездки Фрэнка и семьи Голицыных. Ответственность за офисные средства входила в мои обычные административные обязанности, и поэтому у меня был доступ к сейфу, где мы хранили наши деньги.

Я тут же поехала в контору, открыла сейф, вытащила пачки денег, не пересчитывая их, и как можно быстрее направилась в аэропорт, где Фрэнк велел мне и Стиву встретиться с ним. Поскольку был декабрь, на улицах лежали огромные сугробы. Я помню, как в спешке подъезжала на своем «фольксвагене-жуке» к трамвайной остановке и врезалась в нее. К счастью, поблизости не было полицейского, который мог бы заметить этот незаконный маневр.

Стив подъехал к терминалу вылета с паспортами Голицыных, а я приехала с деньгами на билеты и другие расходы. Затем Фриберг и Голицыны вылетели в Стокгольм, оттуда – во Франкфурт, а потом в Соединенные Штаты. Излишне говорить, что в том месяце мои бухгалтерские отчеты не сошлись, но штаб-квартира безропотно списала довольно большое расхождение.

К истории Голицына мы вернемся в последующих главах. А пока достаточно упомянуть, что сначала Голицына допрашивал отдел Советского блока в штаб-квартире, но вскоре он попал в руки сотрудников контрразведки. В Хельсинки мы все больше и больше разочаровывались, потому что Голицын проработал в Хельсинки более года и мог многое рассказать нам о деятельности КГБ в Финляндии, однако это не было главной темой допросов, а допрашивавшие, похоже, мало что знали о финских делах. В конце концов, гораздо позже, мы получили один длинный отчет о допросе, который содержал ответы на некоторые из заданных нами вопросов, однако оставались значительные пробелы¹. Две детали информации, предоставленные Голицыным, позволили мне оценить свои зарождающиеся навыки аналитика контрразведки. В одном эпизоде я выиграла, а в другом проиграла. В первом случае один из отделов посольства хотел нанять молодую женщину в качестве секретаря. По происхождению она была русской эмигранткой. Кроме того, она казалась слишком квалифицированной для этой должности. Я посоветовала не нанимать ее, и, хотя возникло некоторое недовольство, на работу ее не взяли. По словам Голицына, ее действительно послал КГБ для проникновения в посольство.

Во втором случае мы узнали, что один из финских сотрудников посольства США без уведомления совершил поездку в Ленинград. Ему потребовалась советская виза, и Голицын, работавший под консульским прикрытием, был наиболее подходящим человеком для ее выдачи. Затем нам стало известно, что Голицын ездил в Ленинград одновременно с нашим сотрудником. Сопоставив факты, мы вызвали сотрудника, расспросили его о поездке и в итоге добились его увольнения. Теперь же от Голицына мы узнали, что во время работы сотрудник был лоялен. Голицын попытался завербовать его в Ленинграде, но получил отказ. К сожалению, после нашего увольнения он передумал, снова связался с Голицыным и рассказал сотруднику КГБ все, что узнал за время работы в посольстве.

Я провела в Хельсинки более четырех лет. В конце моей командировки стало очевидно, что перед женщинами открываются новые возможности для профессиональной карьеры. Женщинам разрешили подавать заявки на курсы повышения квалификации, служившие ступенью к офицерскому званию. Однако были и ограничения. В Оперативном директорате (DO) женщин принимали только на две должности – аналитика или сотрудника по составлению отчетов.

¹ Рассказ одного из участников о событиях после прибытия Голицына в Соединенные Штаты см. в книге *Fulton Bob. Reflections on a Life: From California to China*. P. 32–35.

Нам не разрешали проходить длительный курс подготовки оперативных сотрудников и запрещали проходить военную подготовку. И равенства в численности не было. Из шестидесяти шести человек в общей группе было всего семь женщин.

Тем не менее этот опыт был полезен и расширял кругозор. Учитывая мой интерес к СССР, пожалуй, самым ярким моментом моего обучения стала трехчасовая увлекательная лекция Джорджа Кизевальтера о его участии в деле Попова. Петр Семенович Попов был офицером ГРУ, добровольно вызвавшимся помочь нам в Вене в 1953 году. Свободно говоривший по-русски и еще при жизни ставший легендой Кизевальтер был одним из его кураторов².

После успешного завершения курса профессиональной подготовки я снова отправилась за границу, на этот раз в страны Бенилюкса. Приехав летом 1966 года, я провела свыше четырех лет в спокойной обстановке, работая аналитиком по советской разведке и как можно больше времени проводя в поездках по Европе. К концу этой командировки я поняла, что мне нужно провести некоторое время в штаб-квартире. Почти за двадцать лет меня ни разу не назначали в штаб-квартиру. Кроме того, мои родители старели. В последние годы я редко с ними виделась, и мне хотелось исправить это упущение.

Моим первым назначением в штаб-квартире была должность начальника подразделения биографических данных, в том, что тогда называлось отделом Советского блока (SB), а вскоре станет отделом СССР и стран Восточной Европы (SE). Это было самое крупное подразделение в отделе, но одно из наименее престижных, поскольку оно не принимало непосредственного участия в оперативной работе. Наша задача заключалась в обработке тысяч запросов на поиск советских и восточноевропейских чиновников для наших зарубежных резидентур и для дружественных взаимодействующих служб. К несчастью для морального духа подразделения, если наши первоначальные исследования выявляли данные, указывающие на то, что конкретный человек представляет особый интерес, запрос на поиск у нас забирали, и нам никогда не сообщали, что происходило дальше.

В этот период я ради личного развития и совершенствования профессиональных навыков начала изучать русский язык. В Разведывательном директорате (DI) я прошла курс, предназначенный для обучения аналитиков чтению на русском языке в областях их специализации. Потраченные на это годы в конечном итоге окупились, поскольку я смогла перевести или отредактировать некоторые документы, предоставленные генералом ГРУ Дмитрием Поляковым, перебежчиком из КГБ Анатолием Богатым и французским источником Владимиром Ветровым, известным как Прощай.

После более чем трех лет работы начальником отдела биографических данных я жаждала перемен. Я подала заявку на должность ночного дежурного в выходные дни в Оперативном директорате и стала всего лишь второй женщиной, утвержденной на эту должность. Работа была утомительной, потому что мы меняли смены каждую неделю, но, поскольку мы анализировали приоритетные оперативные потоки со всего мира, у меня сформировалось более широкое представление о деятельности Управления. Так уж получилось, что моя служба пришлась на период падения Вьетнама.

Срок службы в качестве дежурного в Оперативном директорате длился всего шесть месяцев. К тому времени я уже искала обычную рутинную работу. Когда мне предложили должность в группе контрразведки отдела СССР и стран Восточной Европы, я была невероятно рада. Это была должность заместителя начальника исследовательского отдела под руководством Джозефа Ф., опытного сотрудника с обширными знаниями о КГБ. Моей конкретной задачей было написать исследование о ГРУ. На завершение этого исследования ушло около восемнадцати месяцев, и в итоге в ноябре 1976 года оно было опубликовано для Оперативного директората под названием «ГРУ сегодня».

² Историю полной приключений жизни Кизевальтера см. в книге *Ashley Clarence. CIA Spymaster*.

В процессе написания этого исследования я впервые узнала о деле Полякова и о том огромном объеме информации, которую он предоставил. К счастью, в начале 1970-х годов у нас было три младших офицера-перебежчика из ГРУ. Хотя то, что они нам рассказали, представляло определенный интерес, их информация не могла сравниться с информацией Полякова. Однако они обеспечили «прикрытие», в том смысле, что обычный читатель «ГРУ сегодня» посчитал бы, что источником большей части представленного материала послужили именно эти три перебежчика. Конечно, на самом деле в основу исследования легла информация Полякова. Именно во время написания этого исследования я впервые начала профессиональное сотрудничество с Сэнди, которая была экспертом Управления по делу Полякова.

К тому времени наступил конец 1970-х годов. Отдел осознал, что американскому разведывательному сообществу необходима контрразведывательная информация, но большая часть доступной нам информации не распространялась за пределы Оперативного директората, исключая, возможно, ФБР. Для устранения этого недостатка в контрразведывательной группе были созданы два новых подразделения. Одно, возглавляемое Фейт Маккой, занималось распространением контрразведывательных отчетов из советских источников. Другое, начальником которого назначили меня, занималось тем же самым для восточноевропейских источников. Эта схема просуществовала около года. Затем Фейт уехала на работу за границу, два подразделения по подготовке контрразведывательной информации объединили в одно, и я стала начальником отдела по подготовке контрразведывательной информации для всех источников контрразведывательной группы.

Эта работа была ответственной и приносившей удовлетворение. Часть наших материалов доходила до Белого дома. Единственным недостатком было постоянное присутствие директора Кейси и его предвзятые идеи, а также его попытки повлиять на оперативную деятельность и анализ, чтобы они соответствовали этим идеям.

Два проекта Разведывательного директората были тесно связаны с отделом подготовки контрразведывательных отчетов из источников в СССР и Восточной Европы. Первым из них было расследование возможности того, что Советский Союз был организатором покушения на папу римского в 1981 году. Несмотря на то, что все наши секретные донесения указывали на непричастность Советов, а также на то, что этот сценарий совершенно не соответствовал известным нам методам работы КГБ, была предпринята попытка подогнать факты под эту теорию, чтобы использовать возможность причастности Советов как дубинку, которой можно бить КГБ.

Я была крайне разочарована, когда один из сотрудников нашего отдела написал длинную телеграмму в ответ на полевое расследование. В телеграмме указывалось, что нам известно, а что нет и какие выводы можно было бы сделать. Телеграмма дошла до кабинета тогдашнего заместителя директора по оперативной работе Джона Стэйна, где была существенно изменена таким образом, чтобы рекомендовать оперативникам использовать неподтвержденную теорию против КГБ, независимо от того, верим мы в нее или нет. (Я часто утверждала, обычно безуспешно, что КГБ совершил множество неблагоприятных поступков и что мы должны изо всех сил стараться предать их огласке, вместо того чтобы использовать информацию, которая, как мы знаем или подозреваем, является ложной, тем самым опускаясь до их уровня.)

Второе расследование касалось масштабов советской поддержки терроризма. По некоторым данным, за каждым террористом в мире с бомбой в руке стоял офицер КГБ, шепчущий: «Вперед!» Советы сами себя загнали в тупик в этом вопросе, поскольку было бесспорно, что они поддерживали Ясира Арафата в тот период, когда он организовывал террористические акты. Арафата считали «борцом за свободу», и в особых случаях его можно было увидеть на кремлевской трибуне вместе с Брежневым и другими руководителями. Советы также поддерживали некоторые группы из стран третьего мира, опять же рассматривая их как борцов за свободу против правых правительств. Фундаменталисты ЦРУ разработали всеобъемлющую

теорию заговора, в значительной степени под влиянием крайне неточной работы Кейси и его хорошей подруги Клэр Стерлинг «Террористическая сеть».

И снова я была обескуражена попытками исказить факты. В конце концов я почувствовала, что должна уехать. Я подала заявку на работу за границей, на любую работу. Джон Стэйн позаботился о том, чтобы меня назначили начальником в Либревиле, Габон, хотя Африканский отдел был недоволен моим присутствием и не оказал никакой поддержки за два года моей работы на этом посту. Мне понравилось возвращение в Африку, но Либревиль был сонным городком в стране, не представлявшей особого стратегического интереса. Реальных целей было немного, а те, что существовали, были тщательно проработаны моим предшественником. Просыпаясь по утрам, я часто признавалась самой себе, что ничто из того, что я собиралась сделать в тот день, не представляло существенного интереса для правительства США. В итоге ЦРУ эту резидентуру закрыло.

Однако были и приятные моменты. Мне очень понравилось посещать сотрудников Корпуса мира в разных деревнях. По мнению многих, включая и мое собственное, Корпус мира был самым ценным экспортным товаром, который Соединенные Штаты могли отправить в Африку.

Одним из самых запоминающихся событий этой поездки стало сафари в Северном Камеруне. Наступил сезон засухи, и водопоев было мало. Те, что были, привлекали огромное количество животных. У одного водопоя мы увидели слонов, вереница которых тянулась вдоль всего горизонта, одни стояли на страже, пока другие пили и купались, а затем они менялись местами. Это было огромное стадо или группа стад, от крупных старых животных до совсем маленьких слонят. Это одно из моих самых ярких и дорогих воспоминаний, и долгие годы фотографии с этого сафари украшали стены моего кабинета.

Летом 1986 года, когда моя командировка в Либревиль подходила к концу, я получила телеграмму от Гаса Хэтэуэя, который стал начальником службы контрразведки. Я восхищалась Хэтэуэем, с которым познакомилась еще в конце 1970-х, когда он был начальником резидентуры в Москве. Затем он стал главой отдела СССР и Восточной Европы и фактически моим главным начальником на несколько лет. Телеграмма Гаса была уклончивой, но он попросил меня прибыть в штаб-квартиру, чтобы разобраться с проблемой контрразведки. Я с готовностью согласилась. Остальная часть моей истории тесно переплетена с тем, что стало охотой на «крота» в лице Эймса, и подробно обсуждается в последующих главах.

В целом, несмотря на несколько периодов спада, у меня была успешная и плодотворная карьера в ЦРУ, и я повторила бы все еще раз. Я поступила на службу в должности 4-го уровня общего штатного расписания, ни разу не перескочила ни одной ступени и вышла в отставку в звании старшего офицера разведки 3-го уровня. Однако повышения по службе – это еще не все. На этом пути мне довелось работать с первоклассными коллегами, чья компетентность и трудовая этика позволили нам достичь поставленных целей, а также с начальниками, которые дали мне возможность развиваться. Всех их я вспоминаю с теплотой и уважением.

С момента моей отставки в 1992 году я получала огромное удовлетворение от публичного признания успеха нашей группы в разоблачении Эймса как советского шпиона. И хотя такая оценка мне, без сомнения, приятна, гораздо важнее одобрение коллег, которым я доверяю.

Глава 2

История Сэнди

Я – типичный продукт холодной войны: родилась в августе 1945 года, дочь родителей, которые познакомились и поженились в Ок-Ридже, штат Теннесси, во время работы над Манхэттенским проектом. Мое официальное школьное образование началось в Лос-Аламосе, где в горах Сандия в Нью-Мексико родилась атомная бомба, после чего я переехала в пригород Денвера, штат Колорадо, где посещала государственные школы до поступления в 1963 году в колледж.

Именно в старших классах я приняла решение, определившее, пусть тогда я об этом и не подозревала, мое личное и профессиональное будущее. Страшный курс физики в первом из старших классов я решила заменить русским языком, понимая, что, несмотря на семейные гены, физику мне не потянуть. Мне нравились сложность языка и занятия под руководством строгого преподавателя, доктора Либора Брома, а еще то, что в 1961 году женщина на таком курсе была редкой птицей. Благодаря поддержке доктора Брома и отсутствию других планов два года спустя я выбрала русский язык в качестве основной специальности и поступила в Вашингтонский университет в Сиэтле, поскольку там был факультет славянских языков.

Обстоятельства, при которых я четыре года спустя поступила на службу в ЦРУ, были чисто случайными. Я руководствовалась не патриотическим долгом служения своей стране, не жадой попутешествовать или последовать примеру друзей или знакомых. Просто в один прекрасный октябрьский день 1966 года я встретила своего бывшего парня, с которым встречалась несколько лет, и он сказал, что в кампусе находится вербовщик ЦРУ, а потом добавил: «Из тебя выйдет идеальная шпионка». Я неохотно согласилась на предложение рассмотреть возможность работы в ЦРУ, хотя понятия не имела о требованиях, предъявляемых к потенциальным шпионам, отметив лишь, что в кампусе сейчас проходят студенческие протесты против ЦРУ.

Подгоняемая необходимостью найти работу до окончания учебы, я на следующей неделе впервые пересекла линию пикета и оказалась перед вербовщиком ЦРУ. Собеседование длилось не более десяти минут и состояло из вопросов вербовщика о знании дополнительных иностранных языков; подписания мной соглашения о неразглашении секретной информации и его указаний явиться в Управление на однодневный экзамен, проводимый для кандидатов на должности, требующие наличия диплома о профессиональном образовании. После завершения экзамена и проверки со стороны ЦРУ меня уведомят, если сохранят ко мне интерес.

Несколько месяцев спустя пришло письмо с кратким сообщением о том, что ЦРУ рассматривает мою кандидатуру на должность помощника разведчика (6-й уровень общего штатного расписания) при условии успешного прохождения медицинского осмотра и проверки благонадежности. Мое будущее наконец прояснилось – я заканчивала колледж; у меня была работа, что бы она ни подразумевала; и я ехала в столицу страны, незамужняя, молодая и действительно самостоятельная.

В июле 1967 года я прибыла в центр ЦРУ в Росслине, штат Вирджиния, по иронии судьбы известный как здание Эймса. Там я присоединилась к шести другим женщинам – помощницам разведчика с аналогичными званиями и более чем ста новым сотрудникам секретариата Управления, которые ожидали проверки на детекторе лжи, тестов по машинописи или стенографии. Руководство понятия не имело, почему наша группа из шести человек оказалась в одной компании с машинистками и стенографистками, поскольку у нас таких навыков не было. Нас изолировали в небольшой комнате, где в течение следующего месяца мы общались и изредка занимались рутинной работой, например, вырезали и наклеивали несекретные карты.

Именно в этот период мы узнали, что, несмотря на высшее образование, знание иностранных языков и прохождение профессиональных тестов, мы были всего лишь канцелярскими служащими Оперативного директората. Желанное звание «профессионала» и открывающиеся благодаря ему карьерные возможности появились лишь через несколько лет, и некоторые из нашей группы уволились из Управления еще до того, как это случилось.

В конце концов меня вызвали в штаб-квартиру для долгожданной проверки на детекторе лжи. Моим проверяющим был строгий сержант морской пехоты, который постоянно выходил из комнаты, оставляя меня размышлять над ответами. Примерно через три часа он объявил о завершении теста. Я тут же сказала ему, что, поразмыслив, пришла к выводу, что не совсем правдиво описала мои отношения с иностранным гражданином. Я не собиралась вводить его в заблуждение относительно этого контакта, но мне и в голову не приходило, что мой друг, гражданин Канады, иностранец. Они не были иностранцами, как русские, французы или другие. Они были канадцами. Убеденная, что не прошла проверку на детекторе лжи, я вернулась в здание Эймса, ожидая плохих новостей – работы не будет. Два дня спустя мне было приказано прибыть в штаб-квартиру, где, к моему удивлению, меня встретили не сотрудники службы безопасности, а представитель отдела Оперативного директората по Советскому блоку. Проверку на полиграфе я прошла.

Моим первым назначением было подразделение в отделе Советского блока, которое оказывало поддержку сотрудникам, занимавшимся поиском и отслеживанием офицеров ГРУ по всему миру. После окончания колледжа прошло чуть больше месяца, я уж точно не была знакома с миром шпионажа и о ГРУ никогда не слышала. Вспоминая об этом сегодня, я думаю, что не знала и о КГБ. По прибытии начальник отдела Уолтер Ломак проинформировал меня о нашей миссии. Моя задача была проста – ознакомиться с советскими разведывательными службами, прочитав многочисленные публикации об их организации и методах работы, а также посетив обязательные базовые подготовительные курсы сотрудников отдела.

Поскольку начинать приходится с самых низов, первые несколько месяцев моей карьеры в ЦРУ были далеко не самыми захватывающими. Но вскоре все изменилось. Однажды днем Ломак сказал мне, что открытая миссия отдела по предоставлению указаний в работе подразделений в их операциях с ГРУ была всего лишь прикрытием для одного дела – дела полковника Дмитрия Федоровича Полякова, тогдашнего советского военного атташе в Рангуне, Бирма. Должна отметить, что Ломак не назвал Полякова настоящим именем. В книге оно употребляется для единообразия. В Оперативном директорате наших агентов мы называли их только криптонимами, или кодовыми именами. В случае с таким важным делом, как дело Полякова, мало кто в отделе знал его настоящее имя.

Все в отделе поддерживали операцию. Мне, как новичку, поручали самые простые задачи – сортировку документов, изготовление копий, каталогизацию контрразведывательной и достоверной разведывательной информации Полякова, а также перенесение его донесений об агентах и других лицах на карточки размером 3 на 5 дюймов. Мой распорядок дня оставался неизменным до осени 1968 года, когда мой новый начальник, Ричардс Хьюэр, временно возглавивший отдел после перевода Ломака на другую должность, сообщил мне, что я буду проходить месячный курс оперативной подготовки на «Ферме», главном учебном центре ЦРУ. Я недоумевала, почему меня отправили, но не ставила под сомнение это решение. Как минимум месяц вне офиса казался приятной сменой обстановки.

Обучение было бесценным, но гораздо более запоминающейся стала моя встреча с легендой советского отдела Диком Ковичем, мастером вербовки советских агентов и их куратором. От сотрудников моего подразделения я знала, что вокруг Ковича разгорелся скандал, связанный с вопросами безопасности, и его назначение на «Ферму» рассматривалось как отстранение от основной оперативной деятельности. Однако для этих же людей Кович был несправедливо обиженным народным героем, которого в один прекрасный день оправдают. Он был одарен-

ным инструктором, который ясно и с энтузиазмом рассказывал о философии и методах оперативной работы, перемежая свои лекции военными историями о захватывающем и сложном мире операций против советских целей.

Спустя некоторое время я узнала, что проблема Ковича была серьезной. Энглтон считал его советским шпионом – обвинение было абсолютно необоснованным, но Ковичу потребовалось более десяти лет, чтобы его опровергнуть и восстановить свое доброе имя. По иронии судьбы я и многие другие всегда были благодарны Энглтону за то, что он отправил Ковича в ссылку на «Ферму», чтобы тот мог подготовить будущее поколение оперативников и персонала оперативной поддержки по своему образу и подобию.

Для Полякова и меня 1969 год стал годом перемен. Его перевели из Рангуна в Москву, а я вышла замуж за Гэри, и мы в браке уже более сорока лет. На работе я продолжала обрабатывать тысячи страниц документов, подготовленных Поляковым. На первый взгляд мои задачи по обработке бумаг казались скучными и незначительными, однако на самом деле я сорвала джекпот. Поляков стал моим первым учителем по Советскому Союзу и его разведывательным службам; как следствие, я узнавала о враге от одного из его старших офицеров. Постепенно на меня стали возлагать больше обязанностей, таких как написание обзоров, распространение отчетов Полякова о контрразведывательной деятельности в различных подразделениях Оперативного директората, и, в конце концов, я заменила старшего аналитика разведки в отделе.

В 1970 году мне сказали, что отдел спонсирует мое повышение до профессионального статуса, процесс, который включал психологическое тестирование и собеседование со старшим офицером отдела. Хотя я была благодарна отделу за признание и поддержку, про себя я думала, что просто наступило время исправить несправедливость.

До собеседования все шло гладко. Старший офицер заметил, что я недавно вышла замуж за человека, не являющегося сотрудником Управления. Затем он спросил, когда я планирую забеременеть, объяснив, что материнство положит конец моей карьере, поскольку я должна буду оставаться дома и растить детей. Пораженная неуместностью такого вопроса, я в ответ поинтересовалась его планами завести еще детей. Собеседование закончилось без дальнейших комментариев с обеих сторон, а также каких-либо надежд на то, что я смогу стать профессионалом. К счастью для меня и, конечно же, к моему удивлению, несколько дней спустя отдел уведомил меня о том, что директорат присвоил мне профессиональный статус. Я официально стала сотрудницей отдела СССР и стран Восточной Европы, работающей из дома. Я так и не узнала, кто в отделе дергал за ниточки после моего провального собеседования, но была и навсегда останусь благодарна за это.

В течение следующих одиннадцати лет я оставалась в группе контрразведки отдела СССР и стран Восточной Европы, занимая различные должности и звания. Это было моим осознанным решением, несмотря на попытки доброжелательных сотрудников отдела кадров убедить меня занять в Управлении другие должности, которые способствовали бы моему карьерному росту. По мнению многих в Управлении, сфера советской контрразведки была малопонятной. Она предоставляла мало возможностей расширить свои компетенции и ограничивала круг общения с теми, кто мог бы помочь в продвижении по службе.

Эта оценка была совершенно неверна. Меня знакомили с делами многих советских агентов и поручали различные задачи по оперативной поддержке. Как и в случае с Поляковым, каждый источник становился для меня учителем. Я смогла не только расширить свои знания о ГРУ, но и узнать больше о КГБ. В число этих агентов входили, помимо прочих, ряд политических, научных и технических сотрудников КГБ, сотрудников контрразведки и связи, а также офицеры ГРУ по всему миру, служившие под гражданским и военным прикрытием.

Такое обучение также предоставило мне возможность официальных поездок за границу и участия в нескольких специальных контрразведывательных проектах: четырехмесячная работа в штаб-квартире ФБР по изучению материалов об их источнике Алексее Исидоровиче Кулаке

в поддержку официальной позиции ЦРУ о том, что он был подлинным агентом КГБ; анализ секретных источников информации о возможных проникновениях в ЦРУ; и пятинедельная поездка в Катманду для оказания помощи в работе с агентом ЦРУ, офицером КГБ Леонидом Георгиевичем Полещуком. В профессиональном плане моя жизнь была захватывающей, динамичной и полной вызовов. Семейная жизнь также приносила удовлетворение, поскольку в этот период у нас родились две дочери: в 1972 году Келли и в 1976 году Трейси. К счастью, я не послушала тех, кто уговаривал меня бросить советские контрразведывательные операции.

В конце 1970-х годов в группе контрразведки произошли организационные изменения, в результате которых я вышла на прямой и ежедневный контакт с Жанной, что положило начало нашей дружбе и профессиональным отношениям, которые тринадцать лет спустя достигли кульминации в охоте на «крота» Эймса. В частности, в 1977 году Джордж Каларис, тогдашний начальник отдела СССР и стран Восточной Европы, поручил Фейт Маккой, эксперту отдела по донесениям и требованиям позитивных разведывательных сведений Советского Союза, и мне модифицировать и порекомендовать изменения в подходе отдела к обработке контрразведывательных донесений из советских и восточноевропейских источников. Теперь эта информация получила более широкую аудиторию в разведывательном сообществе США, тогда как ранее она распространялась в основном только среди внешних клиентов контрразведки, таких как ФБР. Наше предложение, которое Каларис принял, заключалось в создании в группе контрразведки двух подразделений – одного для обработки и распространения советской контрразведывательной информации и другого для обработки восточноевропейской контрразведывательной информации. Фейт возглавила новое советское подразделение, а я стала ее заместителем. Жанна была назначена начальником нового восточноевропейского подразделения. Через короткое время два подразделения объединились и Жанна стала их начальником. Я стала начальником ее советского отдела.

Середина 1970-х – 1980-е годы были напряженным временем для всех сотрудников советской контрразведывательной группы. (Ниже приведены лишь некоторые основные моменты отдельных операций. Подробности по этим и другим делам представлены в отдельных главах.) Летом 1976 года отпуска были отложены, поскольку мы готовили план внутренней связи Полякова для его возвращения из Нью-Дели в Москву. Сотрудники КГБ Пигузов и Южин, а также сотрудники ГРУ Филатов и Бохан находились за границей и были продуктивны. Гас Хэтэуэй встретился с источником ФБР Кулаком в Нью-Йорке, чтобы подготовить его к передаче ЦРУ в Москве и установлению с ним внутренней связи. Как и Поляков, по возвращении в Советский Союз Кулак предоставил разведданные высокого уровня. Виктор Шеймов, специалист по связи Восьмого Главного управления КГБ, инициативно вступил в контакт с сотрудниками ЦРУ во время официальной поездки в Варшаву. Шеймова и его семью успешно эвакуировали из Москвы, также была попытка эвакуации из Москвы Кулака.

В 1981 году, после четырнадцати лет в советской контрразведывательной группе, я отправилась на двухгодичную ротацию в отдел управления карьерой (CMS) директората. Хотя ряд интересных дел оставался, энтузиазм угас. Мы потеряли связь с Поляковым. Годом ранее он покинул Нью-Дели, чтобы, как мы предполагали, совершить короткую поездку в Москву. Он не вернулся. Я ждала год, надеясь, что он снова появится на Западе или попытается восстановить с нами контакт в Москве, но наступила тишина. Окончательным толчком к моему уходу стал допрос перебежчика из ГРУ младшего звена. Благодаря Полякову я знала о методах работы организации и перебежчика больше, чем он сам. Пора было двигаться дальше.

К новой должности главы секретариата/канцелярии в отделе управления карьерой я была так же плохо подготовлена, как и к своей первой работе в советском и восточноевропейском отделе. Однако перемены пошли мне на пользу, и они были действительно огромные – переход от мира советских шпионов и интриг к управлению секретарским и канцелярским персоналом. Обязанности на новой должности заключались в том, чтобы сбалансировать потреб-

ности и интересы сотрудников с потребностями оперативных подразделений и директората. Как и следовало ожидать, конфликты были неизбежны и неясных моментов предостаточно, хотя обычно удовлетворительное решение находилось. Дни были наполнены консультациями по вопросам карьеры, комиссиями по продвижению по службе, разгневанными начальниками отделов, политикой директората и множеством проявлений эгоизма. Несмотря на моменты разногласий, это была одна из самых полезных работ, которые я когда-либо выполняла.

В начале 1983 года моя ротационная работа в отделе управления карьерой подходила к концу. Я предпочла вернуться в отдел СССР и стран Восточной Европы, однако не в группу контрразведки, как настоятельно рекомендовал отдел. Мне нужна была руководящая должность в отделе внешних операций отдела по работе с СССР и Восточной Европой. Это была передовая оперативной деятельности ЦРУ против советских и восточноевропейских целей, что, за редким исключением, было самым близким к полевым операциям, на что мог рассчитывать сотрудник штаб-квартиры. Эти должности занимали опытные оперативники, прошедшие несколько командировок за границу.

Руководство отдела СССР и стран Восточной Европы отреагировало на мою просьбу негативно. Я была не оперативником, а аналитиком и за границей провела всего пять недель в качестве вспомогательного сотрудника. У меня не было ни знаний, ни авторитета, чтобы консультировать оперативников на местах о том, как им вести дела в Советском Союзе и Восточной Европе.

Оценка руководства была верной лишь отчасти. Да, мне требовалось доказать, что я заслуживаю доверия. Однако на протяжении большей части тринадцати лет моей работы в контрразведывательной группе отдела СССР и стран Восточной Европы я занималась всеми завербованными советскими разведчиками за границей, руководя полевой резидентурой по всем аспектам дела. К этой работе в перерывах между их полевыми заданиями привлекались некоторые из лучших сотрудников отдела: Пол Д., Бен Пеппер, Дон Фогель, Бертон Гербер, Гас Хэтэуэй, Уолтер Ломак, Рут Эллен Томас, Синтия Хаусман, Дик Столз, Серж Карпович и многие другие. Пришло время применить полученные знания на практике. После недолгих раздумий руководство отдела согласилось дать мне шанс. Моим новым назначением стала должность заместителя начальника отдела внешних операций СССР и Восточной Европы в Африке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.